

ЩИ СУТОЧНЫЕ

Нина Горланова.

Сегодня. - 1995. - 21 янв. - с. 12.

Его горький крепкий мед. «Урал» № 6, 1994

Андрей Немзер

Д

обравшись до конца романа, не видишь даты. Милое редакционное лукавство. Всякий читатель Нины Горлановой (а их не мало) знает, что пермская сочинительница пишет о том, что видит. Не про накопившее получасовой возраст, не про вчерашнее и, тем паче, не о событиях дватидеатной давности. На лавры Вальтера Скотта (Анатолия Рыбакова) Горланова не претендует. Было — слыло. Ее дело — сегодняшние мелочи, горьки, рытвины и ухабы. Когда же имело место романное «сегодня»?

Давно. Несколько эпох назад. Когда в очередях на морозе стояли за мылом или пододеяльниками (а не за визами в ФРГ). Когда поездка провинциального литератора на московское совещание фантастов-приклученцев справедливо приравнивалась к выигрышу швейной машинки в денежно-вещевой лотерее. Когда книги Булгакова были дефицитом. Когда слово «партия» не требовало уточняющих определений. Сказочные времена. Страшные. Пряничные. Обыкновенные.

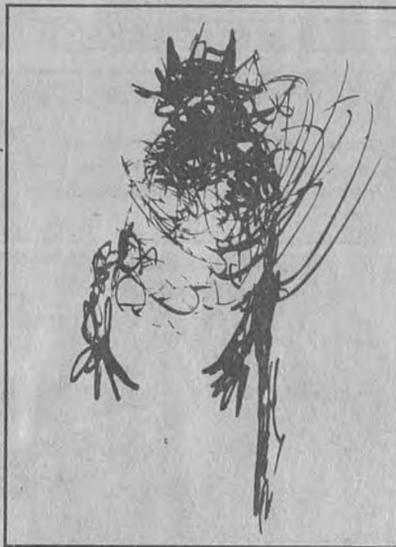
Почему роман не напечатали в пору написания, объяснять неловко. Политикой там и не пахнет, зато аромат бедности, повсеместной несправедливости и тихой истерики шибает с первых строк, когда заговаривает «банка с квасом человеческим голосом». Слишком мрачно. Не так должны жить советские люди. Старикам везде у нас дорога, молодым — обратно же почет. Или наоборот. Наш адрес не дом и не улица. А тут сплошные адреса и все больше презентабельные. Дети болеют. Сослуживцы хамят. Кран течет. Друзья осточертели. В пишущую машинку таракан залез. Разве в доме серьезного писателя место такого рода животным? Не место.

Почему роман не напечатали на рубеже 80—90-х, объяснить просто. И противно. Слишком конкретно. Слишком прозрачны прототипы. Слишком мелки литературно-бытовые разборы и предательства. Слишком много об себе понимает госпожа сочинительница. Сегодня (да вчера, вче-ра-а!) пермских клерков и литераторов нарисовала, завтра за свердловско-московских примется. Уже принялась (смотри сюжет о работе с журнальным редактором). Если уж мужа с детшками, мать с отцом, конторское начальство и соседей по коммуналке (все вроде бы Горлановой симпатичны)

вывела на всеобщее обозрение, то чего еще ожидать? Запирайте этажи — этот козленок научился считать до десяти и немедленно начал демонстрировать свои незаурядные навыки. Все в баню ходим — все в прозе будем.

И вообще. Не по чину Горлановой так выпячивать собственное «я». Она, видите ли, без сочинительства дня прожить не может. Личное, между прочим, дело. Сочиняй на здоровье, если дети умыты-обуты (никто, кстати, не просил заводить троих), муж обихожен (чуть не рванул от своей непутевой жenuшки), с родными-друзьями-сослуживцами отношения налажены (а тут либо лобзания, либо проклятья). Сочиняй, милая; над языком работай, над сюжетом и композицией. Как Флюбер. Он, между прочим, по гостям не бегал. Сидел в башне из слоновой кости и ни малейшего внимания не обращал на критику в «Литературной газете». Писательство — удел сильных духом. Ты сам свой высший свет. Или труд. Так Некрасов писал. Или Тютчев. Мысль изреченная есть ложь! И еще неизвестно, что там в «Литературной газете» тиснули. Может, правда, неудачная была повесть? Нечего на застой кивать! И тогда были мужественные критики, что, не взирая на лица, резали правду-матку. Подумаешь, из провинции! Подумаешь, не печатали! Напечатали ведь (в будущем надо применять более строгие критерии) — теперь и покритуем. Нравственность, нравственность! и еще раз высокая художественность! Чтоб свет в конце аллеи. И мы не боимся длинных рук сочинительницы, которая смеет утрировать наши принципиальные суждения и вставлять их в свой так называемый роман.

Все примерно так в горлановском романе и написано. Про возможных критиков-редакторов не меньше, чем про семью, сослуживцев и собратьев по цеху. Как дети резвятся и хворают, муж меланхолично шутит, а приятели просят жевать кухонные табуреты, мы, однако, узнали не из романа. Те коротенькие записки для себя, которыми изводила родных и близких, героиня сочинения, многолетняя писательница Александра Юрьевна Лебедева, опередили неповоротливую беллетристику. Рассказик. Ключок. Дневник. Письмо. Деталь. Еще деталь. В общественном транспорте другие слова. В ларьках новые товары. Квартира, кажется, чуток преобразилась. Дети подросли и разноможились. Страш свердловско-московских литераторов утратил остроту. Конечно, где-то встречались. Конечно, что-то запомнила. Вставит между вер-

АРМЕН ШАМЯН

мишелью и поликлиникой. Между телерекламой и водоснабжением. Никого не минует чаша сия. Все пойдем на закуску ее горького крепкого меда.

Мед — это горячий квас. Поэзия, прикармливаемая пищевыми останками. Треклятая обыденность, пенящаяся семидесятиными снами. В банке сидит мудрый сварливый дух, Квасир, он же Квасов. Вспоминает-пересказывает эдические истории, комментирует, в меру своего божественного разумения, семейно-писательскую хронику. Поругивает хозяйку, оправдывает хозяина, лобуется детьми-малютами. А когда горести героини достигают предельной точки, предлагает сделку. Ей, в людях изверившейся, мужем брошенной, больной и полубезумной, — счастье и бессмертие. С нее — поэтический дар, от которого всем (а не одним злокозненным литераторам) только хуже. «Но зачем мне бессмертие, если я на то лишь надеюсь, что после смерти меня напечатают. Как это у нас делается».

Обошлось. Не померла Александра (она же Нина). Вернулся муж. Вместо умершего кваса разлили новый. Даже роман напечатали. Всего-ничего голков пробежало. И некоторый критик решил, что голос Квасира сильно взбадривает прозу Горлановой, что писательнице, с ее энергией разброса, азартом моментальности, любовью к словечкам-деталям, потребна дисциплинирующая большая форма (а не розановские россыпи), что поздно опубликованный роман гармоничнее и остроумнее клочковатых отрывков, по которым известна любителям отечественной словесности история одной пермской семьи. Шибко умный. Мастер художественного совета. Дождется-таки роли в горлановской миниатюре. А вопрос о том, когда перестанет тратить время на складывание трехстраничных рецензий, уже слышал много раз.

Словесность — кухмистерская. — Шей суточных не желаете? — Очень даже с удовольствием! — Приходите завтра.